

Изъ обывательской жизни.

Въ июнѣ прошлаго года изъ слѣдственной камеры цхинвальскаго участка бѣжалъ вориска Босикашвили. Этотъ простой случай далъ основаніе администраціи горійскаго уѣзда, въ лицѣ кн. Эристова и полицейскаго пристава г. Гугушвили, въ сффициальныхъ бумагахъ предъявить противъ слѣдователя г. Мехмандарова тяжкое обвиненіе въ умышленномъ упускѣ арестанта. Этотъ фактъ вызываетъ слѣдующія комментаріи *Тифлис. Лист.*, приводящаго интересныя подробности этого дѣла. Конечно, такое обвиненіе не могло не обратитъ вниманія судебной власти на дѣйствія г. Мехмандарова, получившаго высшее образованіе и занимающаго видный постъ въ захолустной деревнѣ. Обвиненіе истекало отъ высшей административной власти уѣзда и его подчиненнаго, которые въ донесеніяхъ своихъ губернатору утверждали, какъ видно изъ судебного отчета по этому дѣлу, помѣщеннаго въ газетѣ *Кавказъ*, что, вручивъ арестанта г. Мехмандарову, городской Манашеревъ остался у наружныхъ дверей камеры, а такъ какъ квартира г. Мехмандарова имѣетъ внутреннее сообщеніе съ слѣдственной камерой, то уѣздный начальникъ „полагаетъ, что арестантъ отпущенъ слѣдователемъ *умышленно*“. Бросивъ подобное обвиненіе, обвинители пошли далѣе и въ подтвержденіе подобнаго позорнаго для слѣдователя преступленія выставили слѣдующій мотивъ: „Мехмандаровъ, — утверждалъ уѣздный начальникъ, — вообще препятствуетъ полиціи въ преслѣдованіи разбоевъ, доказательствомъ чего служить освобожденіе Мехмандаровымъ изъ-подъ стражи задержаннаго полиціей вполнѣ уличеннаго разбойника Бинашвили, который съ тѣхъ поръ скрывается и занимается разбоями“.

Каждый читающій приведенныя строки невольно задастъ вопросъ: возможно ли правильное отправленіе правосудія въ уѣздѣ при подобномъ отношеніи административной власти къ единственному представителю судебной власти (г. Мехмандаровъ, исполняя обязанности слѣдователя въ цхинвальскомъ участкѣ, одновременно является мировымъ судьей этого участка)? Уѣздный начальникъ совмѣстно съ полицейскимъ приставомъ въ лицѣ слѣдователя и мирового судьи видятъ покрывателя разбойниковъ, обвиняютъ его въ умышленномъ упускѣ мелкаго вориска! Конечно, полудикое населеніе этого медвѣжьяго уголка не могло не знать, что на представителя правосудія введены приведенныя выше обвиненія; какое же могло имѣть уваженіе къ г. Мехмандарову населеніе?

Жизнь всего государства и каждого его отдѣльнаго уголка только тогда можетъ развиваться и идти правильно, когда всѣ представители государственной власти дѣйствуютъ не только исключительно на законной почвѣ, но и сохраняютъ полный ансамбль при исполненіи своихъ обязанностей; тѣмъ же диссонансомъ, какой проходитъ въ приведенныхъ выше официальныхъ бумагахъ горійской администраціи по отношенію г. Мехмандарова, нарушается, несомнѣнно, весь строй государственно-общественной жизни населенія данной мѣстности.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, эти прискорбныя пререканія приняли-бы нежелательный оборотъ для г. Мехмандарова, но послѣдній принялъ вызовъ кн. Эристова и г. Гугушвили. Г. Мехмандаровъ поставилъ вопросъ рѣзко и въ объясненіи своемъ правительствующему сенату открылъ картину враждебныхъ отношеній уѣзднаго начальника и полицейскаго пристава къ нему, послужившихъ основаніемъ создать обвиненіе въ престонодержательствѣ и умышленномъ упускѣ арестанта. Сенатъ въ опредѣленіи своемъ, оправдавъ г. Мехмандарова, говоритъ:

„Горійскій уѣздный начальникъ кн. Эристовъ и приставъ Гугушвили въ донесеніяхъ своихъ своему непосредственному начальству о побѣгѣ арестанта Босикашвили ввели на завѣдующаго цхинвальскимъ мировымъ участкомъ Мехмандарова несправедливое обвиненіе въ умышленномъ упускѣ означеннаго арестанта, приводя въ подтвержденіе такого обвиненія невѣрныя и частью завѣдомо ложныя свѣдѣнія, при чемъ, какъ есть основаніе полагать, они дѣйствовали подъ вліяніемъ личной неприязни къ Мехмандарову. Такой образъ дѣйствій кн. Эристова и Гугушвили, независимо отъ совершенной неумѣстности и полнаго несоотвѣтствія чувствамъ солидарности и уваженія, которыми должны быть отмѣчены и проникнуты взаимныя отношенія должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, является препятствіемъ къ правильному и спокойному отправленію правосудія въ предѣлахъ горійскаго уѣзда и заключаетъ въ себѣ признаки ложнаго доноса и служебнаго подлога, т. е. преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ ст. 940 и 362 улож. о наказ. Вслѣдствіе сего правительствующій сенатъ опредѣляетъ: вышеприведенныя дѣйствія горійскаго уѣзднаго начальника кн. Эристова и пристава цхинвальскаго участка Гугушвили, на основаніи ст. 1085 уст. уголов. судопр., передать на разсмотрѣніе тифлискаго губернатора, о чемъ послать ему указъ“.

Этотъ указъ сената окажетъ не мало услугъ всему населенію нашего края. „Только при полной солидарности между административными и судебными чинами возможно отправленіе правосудія“, — говоритъ сенатъ. Поцпирается эта истина изъ за „личной неприязни“ и, къ сожалѣнію, подобныя явленія мы встрѣчаемъ въ провинціи. Какія послѣдствія будетъ имѣть указъ сената для лицъ, поставившихъ свои личныя счеы съ г. Мехмандаровымъ выше службы—это вопросъ будущаго, но слѣдуетъ отмѣтить, заканчиваетъ *Листокъ*, что явленіе, подобное приведенному выше, къ счастью, единичное въ нашемъ краѣ.